

Сёстры Хатыни

Люди добрые, помните: любили мы жизнь, и Родину нашу, и Вас, дорогие. Мы сгорели живыми в огне. Наша просьба ко всем: пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу, чтобы смогли вы утвердить навечно мир и покой на земле. Чтобы отныне нигде и никогда в вихре пожаров жизнь не умирала!

(Надпись на братской могиле в мемориальном комплексе «Хатынь»)

Шесть деревень Браславского района были сожжены вместе с жителями

Боровые - 196 жителей

Плятерово – 90 жителей

Реповщина – 92 жителей

Лабэцкие – 34 жителя

Стайки – 127 жителей

Прудники – 46 жителей

Осенью 1942 года карательная экспедиция «Нюрберг» уничтожила на Браславщине вместе с жителями три деревни: Стайки, Плятерово, Баровые, Прудинки.

В ноябре 1942 года началась первая карательная операция на Браславщине под кодовым названием «Нюрберг». Маршрут её пролёг от Браслава на Замошье и Реповщину, Стайки, Журавовщину и дальше по территории соседнего Шарковщинского района. На территорию Козянских и Нарочанских лесов были введены 1-я моторизованная бригада СС, 14-й и 16-й немецкие полицейские полки, моторизованные взводы жандармерии, 75-й стрелковый полк. Общая численность карателей составляла около 10 тысяч солдат и офицеров регулярных войск. Они обратили своё оружие против невооружённого мирного населения. Всего на территории трёх административных районов (Браславского, Видзовского, Шарковщинского по делению 1940 года) оккупантами во время операции «Нюрнберг» убито 1352 мирных жителя, сожжено 574 дома. Эта карательная экспедиция уничтожила три деревни: **Плятерово, Прудинки и Стайки**. Они были сожжены вместе со всеми жителями.

Воспоминания жителей Далёкского сельского совета

Вспоминает Островская Галина
Леоновна (1938 г.р.), жительница д. Далёкие: «Мне было в 1942 году, когда случилось это, пять лет, но многое я помню. В воскресенье утром небо стало чёрным, мы не могли понять, что происходит. Это началась бомбёжка нашей деревни Лусковщина. Вся наша семья-мама, папа, дедушка, бабушка и мы с братом- выбежали на улицу, сделали какое-то подобие окопа и там спрятались. Окоп наш осыпался, и на наших глазах загорелся наш дом, который мы только что построили. Было очень страшно. В окопе просидели до вечера, на ночь ушли в лес. Отец предложил детей в целях безопасности отвести в соседнюю деревню Заблотишки, где жила его родная сестра с семьёй. Но мама сказала: «Что с нами будет, то и с детьми», - и не позволила нас увести. Утром мы узнали, что деревня Заблотишки была полностью сожжена, а жители расстреляны, в том числе и наши родственники. Вернувшись в деревню спустя год после мытарств, мы долго жили в шалаше, голодали, но всё равно были рады, что немцев больше нет».

Вспоминает Шиман Глафира
Михайловна, жительница д. Далёкие (1931 г/р): «Фашисты расстреляли семью моего дяди (брата отца) Авсюка Иосифа Егоровича за связь с партизанами. В партизанах был родной племянник жены Иосифа, и они помогали им продуктами и медикаментами. В д. Далёкие дядя с семьёй переехали перед войной, у него и его жены Надежды было трое детей: дочь Анисья (17 лет), дочь Валентина (10 лет) и сын Павел (7 лет). Кто-то, наверное, подсказал немцам, что Авсюки помогают партизанам. Фашисты расстреляли семью возле дома, соседи похоронили их. Всего в годы войны я потеряла 12 человек родственников».

Трагедия деревни Стайки

Первой осенью 1942 года запылила соседняя деревня Реповщина (теперь – Видзовский сельский совет). Кто-то из местных людей прибежал в Стайки с криком: «Спасайтесь!». Деревенских жителей не нужно было уговаривать. Взяв на руки детей, что-то из вещей, они бросились в лес. В одном из домов осталась только семидесятилетняя женщина. Она говорила, что ей пришло время умирать, поэтому нет нужды бродить по лесу. Женщина пошла на кладбище, где её и нашли немцы. Кто-то из карателей нажал на курок. Так оборвалась первая жизнь в Стайках.

Потом в руки немцев попал деревенский староста. Ему приказали идти в лес и собирать людей. Обещали, что всех, кто вернётся, не тронут, зато тех, кого найдут позже в лесу, расстреляют. Поверив, староста двинулся звать людей. И многие вернулись в деревню. Каратели встречали людей, сгоняли их в хлева и поджигали. Потом подожгли и дома. В огне погибло 120 человек. Уцелели только те, кто не поверил немцам и не вернулся домой. Их было всего 22 человека. В их числе семья Петра Франтковского, Юлия Бондарик, ещё один Бондарик с дочерьми. Его жена, надеясь, что беда минует деревню, решила вернуться назад. Это стоило ей жизни.

Когда немцы покинули Стайки, уцелевшие жители вернулись назад. На месте деревни нашли пепелище. Уцелела только одна баня, которая ещё долго стояла возле леса и была молчаливой свидетельницей тех трагических событий. Люди возле бывших домов звали близких, надеясь, что кому-то удалось спастись. Но напрасно. Тогда живые собрали пепел и обгоревшие кости на месте пожарищ и закопали их. Все 120 человек лежат в братской могиле.

Из воспоминаний Елизаветы Игнатъевны Бутор, свидетельницы трагедии, которой удалось чудом спастись: «Наша деревня Стайки была сожжена немцами 22 ноября 1942 года в понедельник. С того времени прошло много лет, но всё, что случилось, словно глубже врезывается в память. В Стайках я потеряла мать, сестру мужа, всего 15 человек своих родственников и ещё 16 со стороны мужа. Трудно сказать, сколько людей сожгли немцы в деревне,

потому что там согнали не только своих, но и с окрестных деревень. 22 ноября немцы начали окружать деревню. Было около 10 часов утра, мы были дома. Только что возвратились из леса мужчины, не успели переодеться, как появились немцы. Мы стали уходить из дома. Я схватила на руки наших детей – приёмных сыновей Владимира и Феликса- и побежала через огороды по

зарослям. Спрятались в чащобе. Мы были не одни, рядом пряталось несколько человек из деревни. Сидели очень тихо, хотя страдали, особенно дети, от холода. Ведь с домов выскочили кто в чём был. Часов около трёх стали слышны пулемётные очереди и сразу же в четырёх местах вспыхнуло пламя. Стало понятно, что нам больше некуда идти. Пошли по лесу. Вперёд гнали ужас и отчаяние. Мальчиков я по очереди несла на плечах, хотя была беременна. Когда стемнело, выстрелы затихли, только где-то в стороне иногда взлетали ракеты. Вышли к стогам сена и здесь остановились, чтобы отдохнуть. Мои сыновья всё время держались, не плакали, а здесь вспомнили: «Хотя бы кусочек хлеба с собой взяли!» Прятались в лесу до пятницы, потом не стало сил. Решили идти всё равно куда: лучше пускай убивают, чем так страдать. Дошли до деревни Лубянка, зашли в дом, а хозяева очень напряжённые. Всё вокруг каратели уничтожают и жгут, появились и в их деревне. Никто не знает, что будет дальше. А дети, как зашли в тёплый дом, так и упали на пол - уснули. Меня спасла местная учительница, которая знала немецкий язык. Она подошла к немецкому офицеру и попросила, чтобы меня не трогали. На ночь в деревню наехало множество немцев. Один из них разместился в том доме, где была я с детьми. Он был очень молод. Посмотрел на детей и дал им хлеба. Утром по улице проехали повозки, нагруженные разными домашними вещами. Одна из них была накрыта покрывалом, которое моя мать ткала когда-то своими руками. Как увидела это – сердце сжало: я поняла, что стало со Стайками и их жителями. Значит, немцы после того как вывезли добро, их подожгли. Пришлось вновь идти в лес. Несколько дней бродили по лесу. Уже начался снег. Если какой-нибудь хозяин хутора пускал в дом, то ненадолго. Все боялись. Хорошо, если подавал кусок хлеба. Но не меньше чем от голода, страдали от холода. Чтобы у детей не отмёрзли пальцы, я травой завязала рукава одежды. Добрались до хутора Кошель, где жил двоюродный брат мужа. Там нашли пристанище на зиму. У меня родилась девочка. Но оставаться в Кошелях было небезопасно. Летом пошли искать иного пристанища. Рядом со Стайками в Быковских нашли пустой дом, где и поселились. Осенью 1943 года началась новая карательная экспедиция. Вновь нужно было прятаться. Трое суток отсидели в болоте. Девочку всё время поила болотной водой, из одежды на ней была одна рубашка. Пришлось выходить из леса, чтобы не погибнуть от голода и холода. Попала к немцам. Сначала думала, что расстреляют, потому что несколько раз называли бандиткой. Почему не расстреляли, не знаю. Погнали в Йоды, где собирали людей для отправки в Германию. Шла 10 километров пешком с ребёнком на руках. В Германию меня не отправили из-за того, что у меня были маленьких дети. В Йодах нашла пристанище до конца войны. Каждый год, чего бы мне это ни стоило, стараюсь приезжать в Стайки.. Я всегда буду помнить о Стайках, о своих близких. Хочу, чтоб и вы, потомки, хотя бы время от времени вспоминали Стайки и тех, кто там без вины погиб».

Трагедия деревни Прудинки

В деревне Прудинки было всего 13 дворов, но туда часто приходили жители окрестных деревень, так как Прудинки находились в лесу и считались более безопасным селением в случае появления немцев. В тот момент, когда фашисты окружили деревню, в ней находилось около 300 человек. Все, кто были в деревне, были согнаны в дома и сожжены живыми.

Из воспоминаний Николая Ждана, того, кто смог спастись: «Это было 24 ноября 1942 года. Нас было 300 человек. Всех нас согнали в 10 домов. Двери заколотили, поставили пулемёты. В 10 часов утра начали бросать гранаты в окна, стрелять из пулемётов. Одновременно подожгли дома. Ужас охватил людей. Раненые ползли через убитых, просили о спасении. Но помощь не приходила. Вскоре обвалилась крыша и крик прекратился. Я не был ранен. Только когда обвалилась крыша, мне опалило руки. Я снял с себя пылающую одежду, закрыл её лицо и голову и бросился бежать к лесу. По мне начали стрелять. И пуля попала в ногу. Я бросился в чащу и тем самым спасся. Один из 300...»

Свидетелем этой ужасной расправы был и Палинский Чеслав, которому шёл тогда 10-й год. Ему и его родной сестре удалось спастись. Дым закрыл их от врага. Сегодня Палинский Чеслав живёт в Польше, у него есть своя семья: дети, внуки. Каждый год он, несмотря на возраст, приезжает из Польши в Прудинки вместе с родными и заказывает в местном костёле святого Станислава заупокойную мессу за невинно погибших. На месте, где раньше была деревня, установлена памятная плита и, во многом благодаря Палинскому Чеславу, возведена часовня, где есть алтарь, возле которого молятся и православные, и католики.

29 ноября 1942 года была сожжена деревня Плятерово. Здесь жили рабочие картонной фабрики и многие мирные жители, опасавшиеся фашистских репрессий. Каратели окружили деревню, собрали и тех, кто находился в лесу, и расстреляли. Погибло 90 человек.

Сведения о населении, уничтоженном в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками по Видзовскому району:

Повешено	1 человек
Расстреляно	3693 человека
Сожжено живыми	382 человека
Погибло военнопленных	1 человек
Отправлено в Германию	2208 человек

(Филиал государственного архива Витебской области в городе Глубокое. Ф. 1072, воп. 1, спр. 5, Л. 8.)